

привет

Меня зовут Айван. Я горилла.

Быть гориллой не так легко, как кажется.

имена

Люди называют меня по-разному – гориллой с автострады, обезьяной из съезда 8, могучим силвербэком.

Все это – мои имена, но они – это не я. Я – Айван, просто и всего лишь навсего Айван.

Люди любят тратить слова впустую. Они разбрасывают их всюду, как шкурки от бананов, и оставляют гнить.

А ведь всем известно: самое вкусное в банане – шкурка.

Вы думаете, наверное, что гориллы не способны понимать человеческую речь. Ну конечно, и ходить на двух ногах, мы, по-вашему, тоже не умеем.

Попробуйте сами хотя бы час погулять, опираясь на костяшки пальцев. Ну как? Что приятней?

терпение

За эти годы я научился понимать человеческую речь, но понять ее вовсе не означает понять самих людей.

Люди слишком много говорят. Они болтают как шимпанзе, заполняя окружающий мир шумом, даже если сказать им по сути нечего.

Мне понадобилось немало времени, чтобы научиться различать звуки речи и связать слова с вещами. Но я был терпелив.

Терпение – очень полезная вещь, если тебе случилось родиться обезьяной.

Гориллы терпеливы, как скалы. А люди не очень.

как я выгляжу

Когда-то я был дикой гориллой – и даже сейчас еще немного на нее похож.

У меня осторожный гориллий взгляд и хитрая гориллья ухмылка. Я ношу на спине украшение в форме седла из серебристой шерсти – таков костюм силвербэка. Когда мою спину греет солнце, на земле рядом со мной появляется великолепная гориллья тень.

В размерах моего тела людям мерещится вызов, а в шелесте окружающего меня ветра – воинственный клич, хотя я в этот момент размышляю лишь о том, как же сильно предзакатное солнце похоже на спелый нектарин.

Я сильнее любого из людей – почти двести килограммов чистой силы. Тело мое создано для битв. Если я подниму свои руки над головой, до них не сможет дотянуться и самый высокий из людей.

Ветви моего родословного древа тоже уходят далеко. Я – высший примат, и вы тоже высшие приматы, как и шимпанзе с орангутангами, и бонобо – как

вся эта моя далекая и не заслуживающая доверия родня.

Я знаю, что принять это непросто.

Я и сам с трудом могу поверить, что какая-то протянувшаяся через время и пространство нить связывает меня с этой расой маловоспитанных клоунов.

Шимпанзе... И зачем они вообще существуют на этом свете?

*съезд 8, «шатер»: цирк, магазины
и игровые автоматы*

Я живу в особом месте обитания людей, которое называется «Съезд 8, “Шатер”»: цирк, магазины и игровые автоматы». Мы удачно расположились прямо у автострады И-95, представления в два, четыре и семь часов ежедневно, 365 дней в году.

Так говорит Мак в трубку то и дело трезвонящего телефона.

Мак работает здесь, в торговом центре. Он босс.

Я тоже здесь работаю. Я горилла.

В нашем «Шатре», торговом центре, весь день напролет вертится скрипучая музыкальная карусель, а посреди магазинов живут обезьяны и попугаи. В середине торгового центра есть круглая арена, а вокруг нее скамейки, скамейки, скамейки — чтобы люди могли усесться на свои зады и пожевать мягкие кренделя. Пол тут покрыт опилками, сделанными из мертвых деревьев.

Мои владения находятся на краю арены. Меня поселили здесь, потому что, хотя и горилла, во мне есть и чуть-чуть от человека.

Владения Стеллы расположены рядом с моими. Она слониха. Стелла и Боб (это пес) – мои лучшие друзья.

Друзей-горилл у меня сейчас нет.

Мои владения сделаны из толстого стекла, ржавеющего металла и цемента. Владения Стеллы – из железных прутьев. У малайских медведей владения деревянные, а у попугаев – провололочные.

Три моих стены сделаны из стекла. Одна из них с трещиной, и в углу, у самого пола, нет кусочка стекла – небольшого, с мою ладонь. Я сделал эту дырку бейсбольной битой, которую Мак подарил мне на мой шестой день рождения. Биту он после этого забрал, зато оставил подаренный вместе с ней бейсбольный мяч.

На четвертой стене моих владений нарисованы джунгли. Там изображен водопад без воды, цветы без запаха и деревья без корней. Хотя эту картину рисовал не я, смотреть на нее мне нравится (пусть даже на настоящие джунгли это все не очень-то и похоже).

Мне повезло, что у моих владений целых три окна. Благодаря этому я могу видеть весь торговый центр и даже больше – неистово верещащие игровые автоматы, розовые глыбы сладкой ваты и огромную парковку без единого дерева.

За парковкой виднеется шоссе, по которому несутся бесконечные автомобили. Огромный рекламный щит на краю дороги зазывает их, как газелей на водопой, остановиться и передохнуть.

Щит уже поблек, и краски выцвели, но я отлично знаю, что там написано. Однажды Мак громко зачитал надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! СЪЕЗД 8, “ШАТЕР”: ЦИРК, МАГАЗИНЫ И ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ – ДОМ АЙВАНА, ЕДИНСТВЕННОГО И НЕПОВТОРИМОГО, МОГУЧЕГО СИЛВЕРБЭКА!»

Я, к сожалению, читать не умею – а научиться хотелось бы. Это был бы замечательный способ скоротать мои праздные часы.

Впрочем, однажды мне и без того удалось насладиться книгой, которую в моих владениях оставил один из зрителей.

Ее вкус напомнил мне термитов.

На щите у шоссе изображены Мак в костюме клоуна, вставшая на задние ноги Стелла и злобный зверь с яростным взглядом и взъерошенной шерстью.

Этот зверь вроде как я, но художник сделал серьезную ошибку. Я никогда не впадаю в гнев.

Гнев – особое качество. Силverbэк впадает в гнев, чтобы поддерживать порядок в своей семье и предупреждать об опасности. Когда мой отец бил себя в грудь, это означало: «Внимание! Слушайте все! Я тут главный! Я в гневе, чтобы защитить вас, потому что для этого я и рожден!»

А здесь, в моих владениях, защищать мне некого.

самое маленькое цирковое представление на свете

Мои соседи здесь, в «Шатре», умеют делать множество разных трюков. Они образованные ребята, гораздо талантливей меня.

Одна из моих соседок умеет играть в бейсбол, и при этом она – курица. Другой сосед управляет пожарной машиной, хотя он и кролик.

Была у меня и еще одна соседка – смышленная лоснящаяся тюлениха, которая могла с утра до вечера продержаться у себя на носу мяч. Ее голос был похож на хриплый лай собаки, которую в холодную ночь оставили на цепи.

Дети загадывали желания и бросали монетки на дно ее пластмассового бассейна, где они поблескивали, как плоские медные камешки.

Как-то раз тюлениха проголодалась, а может, просто заскучала, и проглотила сразу сотню монет.

Мак сказал, что ничего плохого с ней не случится.

Он ошибся.

Мак называет наше шоу «Самое маленькое цирковое представление на свете». Каждый день в два, четыре и семь часов люди приходят сюда пить газировку, обмахиваться программками и хлопать. Младенцы вопят. Мак в костюме клоуна раскатывает на крошечном велосипеде. Пес по имени Сникерс ездит на спине у Стеллы. Стелла садится на табуретку.

Это очень крепкая табуретка.

А я никаких трюков не вытворяю. Мак говорит, что мне достаточно быть самим собой.

Стелла как-то сказала мне, что некоторые цирки переезжают из города в город. Там есть люди, которые болтаются на веревках, привязанных к потолкам цирковых шатров. А еще – ворчливые львы с блестящими клыками и целые вереницы слонов, каждый из которых держится за болтающийся хвост стоящего впереди. Слоны лучше всего видят то, что находится вдалеке, и поэтому не замечают людей, пришедших на них поглазеть.

Наш цирк никуда не переезжает. Мы сидим на одном месте, как старый зверь, который слишком устал, чтобы куда-то брести.

После представления наши зрители отправляются рыскать по магазинам. Магазины – это такие места, где люди покупают вещи, без которых им не выжить. В некоторых магазинах «Шатра» продаются новые вещи, например воздушные шары, футболки и кепки, которыми люди прикрывают свои блестящие макушки. В других можно купить старые вещи, которые пахнут пылью, сыростью и давней стариной.

Весь день я смотрю, как люди шмыгают из магазина в магазин. Они дают, берут обратно и снова отдают друг другу зеленые бумажки, которые шуршат, как сухие листья, и пахнут тысячами рук.

Они охотятся лихорадочно – рыщут, толкаются между собой, ругаются. А потом уходят, ухватившись за пакеты, набитые самыми разными вещами – яркими, мягкими, большими. Но как бы туго ни были набиты эти пакеты, люди всегда возвращаются за новыми вещами.

Нет, существа они, конечно, умные. Они умеют делать розовые облака, которые можно есть, они строят жилища с плоскими водопадами на стенах.

Но вот охотники из них никудышные.

исчезаю

Некоторые звери живут сами по себе, вдали от посторонних глаз – но это не про меня.

Моя жизнь полна сияющих огней, непрошенных гостей и наставленных на меня пальцев. Люди плющат свои маленькие ладони о стеклянную стену – нас разделяют считанные сантиметры.

Это стекло будто говорит за них: мы – это одно, а ты – совсем другое, и так будет всегда.

Своими измазанными в конфетах и скользкими от пота руками люди оставляют на стекле множество отпечатков. Их оттирает усталый человек, который специально приходит сюда каждый вечер.

Иногда и я прижимаюсь к стеклу носом. Его отпечаток – так же, как и отпечатки ваших пальцев, – один-единственный такой, уникальный и неповторимый.

Но стоит человеку провести по стеклу тряпкой – и я исчезаю.

художники

Здесь, у себя во владениях, делать мне особо нечего. Бросаться в людей катышами наскучивает уже после пары-тройки штук.

Катыши – это мой помет, который я скатываю в шарики размером с небольшое яблоко и оставляю сохнуть. У меня всегда найдется парочка таких под рукой.

А вот мои посетители их почему-то с собой не носят.

В моих владениях есть качели из покрышки на веревке, бейсбольный мяч, крошечный пластмассовый бассейн с грязнущей водой и даже старый телевизор.

И маленькая мягкая игрушечная горилла у меня тоже есть. Ее мне дала Джулия, дочь того усталого человека, что убирается в торговом центре по вечерам.